

4. Железняк Л. Походження українців: між наукою та ідеологією / Л. Железняк. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.academia.edu/31722608/Походження_українців
5. Зайцев Ю. Історія України / Ю. Зайцев. – Львів: Світ, 1998. – 488 с.
6. Замлинська О. В. Культурне життя в Україні у 1943-1953 роках : автореф. дис. ... кандидата іст. наук : 07.00.02 / Замлинська Олена Володимирівна. – К., 1999. – 19 с.
7. Субтельный О. Украина: история / О. Субтельный. – К., 1993. – 734 с.
8. Шаповал Ю. И. Украина 20 – 50-е годы: страницы ненаписанной истории / Ю. И. Шаповал. – К., 1993. – 265 с.

Галина Олейнікова. Україна в післявоєнний час: культурологічний аспект.

Стаття представляє стислий нарис про наукову і культурну життєдіяльність української інтелігенції в період після закінчення Другої світової війни. Робота, творчість багатьох видатних вчених і культурних діячів жорстоко зазнавала утисків і репресій з боку існуючої влади. Нормою відносин влади з інтелігенцією стали прямі погрози, залякування, критика в пресі, тиск на партійних і загальних зборах творчих колективів, заборона на публікацію творів Але навіть в таких несприятливих умовах українським письменникам, театрам і художникам вдалося створити чимало яскравих і колоритних творів.

Ключові слова: українська інтелігенція, післявоєнний період, моральний підйом, репресій, виселення, художньої майстерності національної, української школи.

**ПРОБЛЕМА КРЕСТЬЯН ЮЖНЫХ ОБЛАСТЕЙ УКРАИНЫ – ВЫЖИТЬ
(1946-1947 гг.)**

Иван Пастырь

канд. пед. наук, доцент,

Измаильский государственный гуманитарный университет

(Измаил, Украина)

Победа в войне способствовала консервации социально-экономической и политической системы СССР. Культ личности Сталина достиг своего апогея. Восстановление и совершенствование народного хозяйства на довоенной технической и технологической базе программировали его дальнейшее отставание от мирового развития. Достижения научно-технического прогресса применялись преимущественно в тяжелой промышленности и ее сердцевине – военно-промышленном комплексе, который был отгорожен стеной секретности от гражданского сектора. И вновь основным источником средств была советская деревня, находящаяся в кризисном состоянии после войны.

Проблемой становления, развития Бессарабии, нашего края занимались многие известные ученые, исследователи. Особенный интерес для нас представили фундаментальные работы Л. С. Берг, И. Ф. Грек, А. В. Дизановой, М. Д. Дыхан, А. И. Киссе, А. М. Лебеденко, Л. Б. Марковой, Г. П. Мория, С. В. Паламарчук, И. М. Пушкова, Н. Д. Руссева, В. И. Тодорова,

А. К. Тычины, Л. Ф. Цыганенко, Н. Н. Червенкова, А. В. Шабашова, А. М. Шевченко.

Проблемы, накопившиеся в области экономики, внешней политики, рост социальной напряженности в обществе, в первую очередь в крестьянской среде, требовали безотлагательного решения. Сельское хозяйство держалось на внеэкономическом принуждении. Власти указывали крестьянину порядок выполнения полевых работ. Уборку зерновых необходимо было завершить в течение 18-20 дней. Система нуждалась в срочном реформировании.

Верховная власть отказалась вносить изменения в довоенную политическую доктрину, мотивируя свое решение противостоянием с бывшими западными союзниками по антигитлеровской коалиции и существованием «пятой колонны» внутри страны. Снова был применен террор против населения. Однако послевоенные политические репрессии не достигли масштабов «большого террора» 30-х гг. Они носили избирательный характер и большинства населения не коснулись («ленинградское дело», «дело врачей» и др.).

После освобождения региона от немецко-румынских захватчиков в границах междуречья Дуная и Днестра была образована Измаильская область. В её составе выделялись пять городов со специальным статусом (Белгород-Днестровский, Измаил, Болград, Килия, Рени) и тринадцать административных районов (Арцизский, Болградский, Бородинский, Килийский, Лиманский, Новоивановский, Ренийский, Староказацкий, Саратовский, Суворовский, Тарутинский, Татарбунарский, Тузловский). Послевоенная разруха и необустроенность принесли голод, порожденный засухой. Лето 1946 года выдалось сухим и жарким, не было ни капли дождя, поэтому ни одна сельскохозяйственная культура не дала урожая. Высохли и картошка, и лук, и пшеница, и кукуруза, и даже фасоль и чечевица. Фруктов тоже не было. Жители сел не смогли запастись продуктами питания. И поэтому людям не было чем питаться. Самым свирепым голод стал зимой и весной 1947 года. Появилось страшное явление в человеческой жизни – голод, который становился массовым. Однако вместо помощи со стороны государства население Украины испытало жестокий репрессивный удар.

В болгарских селах Южной Бессарабии в это время продолжалась коллективизация хозяйств. И голод был одним из средств заставить хозяев, оставшихся верными частной собственности, вступить в колхозы. Политика власти жестоко отражалась на судьбах бессарабских семей.

Вначале бедным крестьянам выдавали хлебные карточки, но и это не спасло большинство населения села. Под предлогом «экономии в расходовании хлеба» из централизованного снабжения по хлебным карточкам было снято свыше 3 млн. 500 тыс. людей, из них около 2 млн. 900 тыс. сельских жителей. С голодом крестьяне были оставлены один на один. Эта ситуация подталкивала людей на противоправные действия: воровать, чтобы выжить самому и накормить детей. Волна краж захлестнула страну в этот период. Ворovali не только в селе, но и в городе. Власти прибегли к старому административно-карательному приему.

Непосильный план хлебозаготовок на 1946 год – 340 млн. пудов хлеба – выполнить Украине было невозможно. Но вместо снижения этот план в июле 1946 года 23-м областям был повышен. Изъятие зерна и другой

сельскохозяйственной продукции, мизерная выдача или невыдача совсем зерна колхозникам на заработанные тяжелым трудом трудодни, выбивание непосильных налогов, наложенных на приусадебные хозяйства крестьян, вызвали почти по всей Украине голод, который быстро распространялся. Однако в августе 1946 года под давлением центра руководство УССР опять повысило хлебозаготовительный план ряду областей, в том числе Запорожской, Одесской и Николаевской. Выбитая из голодающего села сельхозпродукция отправлялась в разные регионы империи. Украина была главным поставщиком зерна для Ленинграда, ряда областей РСФСР, овощей – для Москвы. Именно в то время, когда люди в Украине голодали и умирали голодной смертью, много хлеба вывозилось за границу. За 1946-1947 гг. в страны Западной Европы: Польшу, Чехословакию, Германию, Францию и т. д. из СССР были экспортированы миллионы тонн зерна.

В тех районах, которые больше всего пострадали от засухи, летом 1946 года прошли крестьянские возмущения. В частности, секретарь Измаильского обкома сообщал Совету Министров УССР, что «в связи с плохим состоянием урожая имеют место нездоровые настроения среди населения области». Далее объяснялось, в чем именно они заключались: 1) в селе Плахтеевка Саратовского района группа крестьян не давала вывозить хлеб из глубинных пунктов; 2) в Утконосовке Суворовского района толпа женщин числом до 180 человек пыталась забрать зерно из глубинного состава Суворовского пункта «Заготзерно»; 3) в Болградском районе группа болгар, в количестве 145 человек, подписала заявление о продовольственных трудностях и просьбу дать хлеба». А положение в этой, как и в некоторых других областях, было ужасным. Уже за первую половину 1946 года количество умерших здесь превзошло количество новорожденных [1].

Невзирая на жесткое действие вертикали «центр – республика – область – район – сельсовет – колхоз», деятельность партийно-командного аппарата, десятков тысяч специальных уполномоченных по хлебозаготовкам зерно в государственный «амбар» поступало не теми темпами, на которые рассчитывал центр. При тотальной выкачке из сел Украины всего выращенного, план был выполнен лишь на 62,4%. Сталин и его ближайшее окружение видели в невыполнении плана не неурожай и голод, а неудовлетворительную работу партийных организаций, советских органов, председателей колхозов и самих колхозников, обвиняя их в «антибольшевистском отношении к политике хлебозаготовок», «саботаже», «хищении», «разбазаривании» хлеба и тому подобное. Крестьяне в Украине, по мнению «вождя народов» и власть имущих, нуждались в перевоспитании как таковые, что пребывали на оккупированной территории и испытали влияние чужой идеологии.

Усиление сопротивления хлебозаготовкам вело, в свою очередь, к усилению репрессий против руководителей хозяйств. Причем их не только снимали с должностей, но нередко привлекали и к судебной ответственности. По данным Министерства юстиции УССР, на протяжении 1946 и 1-го квартала 1947 года судебные органы республики рассмотрели 1 681 дело о преступлении этой категории руководителей. Сесть на скамью подсудимых можно было за наименьшую вину или ошибку, а то и совсем безвинно. Например, 7 лет заключения получил председатель колхоза «Красный котовец» Раздельнянского района Одесской области лишь за то, что выдал колхозникам авансом зерно,

намолоченное в первые дни сбора урожая, еще не сдав в то время ничего государству.

Волна репрессий продолжала нарастать. И уже в декабре 1946 года Прокурор УССР дал указание низовым органам прокуратуры активизировать борьбу с фактами разбазаривания и растягивания зерна, саботажа хлебозаготовок. Приговоры судов становились все жестче. Росло количество лиц, осужденных за разбазаривание и кражи хлеба. Если в октябре за это было привлечено к ответственности 997 человек, то в ноябре – уже 2 313. В ряде областей были проведены показательные судебные процессы.

На основе постановлений Совета Министров СССР от 30 ноября 1946 года и Совета Министров УССР от 2 декабря «О сдаче хлеба подсобными хозяйствами» в республике была организована пере проверка наличия хлеба в подсобных хозяйствах предприятий и организаций с целью исключения случаев припрятывания зерна. Однако ни в подсобных хозяйствах, ни в колхозах больше нечего было отдавать, о чем руководство республики сообщало в Москву. И вот, когда каждый грамм зерна был поставлен на учет, поступила команда – сдать государству продналог. Казалось, есть на селе власть, знающая о положении дел в каждом селе. Но председатели сельских советов отправляли специальных людей, которые изымали зерно. Местные «стрибоки» показали себя не с лучшей стороны. По воспоминаниям старожилов, они ходили по селам с длинными металлическими прутьями, входили в каждый дом, протыкали штырями копны с соломой, втыкали в землю, чтобы обнаружить, где спрятан хлеб.

Голодали и взрослые, и дети всех населенных пунктов нашего региона: и в городах, и в селах. Родители перестали пускать детей в школу, так как все уже ходили опухшие и страшные от недоедания. Мы знаем, что в селах Голица, Виноградное, Ореховка были люди, которые умирали от голода. По данным И.В. Константинова, работавшего в 1946-1947 годах деловодом сельсовета села Огородное, в период с октября 1946 по июль 1947 года в селе умерло 1 100 человек (официально зарегистрированных) с диагнозом «дистрофия», т. е. каждый шестой житель села... В соседних селах – Александровке и Ореховке – количество умерших от голода было на порядок выше [2, с. 126].

В селе Кирнички от голода не умер ни один человек. Как и почему? Во-первых, правление колхоза им. Г. И. Котовского на своем заседании приняло решение: организовать общественное питание всех колхозников из запасного фонда (1945 год – год создания колхоза – был урожайным). Каждое утро всем колхозникам, отправляющимся на работу, выдавали паек – 400 граммов хлеба, а в обед кормили пшенной, ячневой, пшеничной кашами. На семью выдавали зерно. Трудности были в том, что не работала мельница, а муку делали ручным способом – на жерновах. Из этой пшеничной, иногда кукурузной муки пекли хлебцы, коржи, мамалаи (кукурузные лепешки). К этим годам еще не все жители села вступили в колхоз – таковые назывались единоличниками. Они тоже кормили свои семьи из запасов продовольствия предыдущих лет. Трудно было, но люди жили дружно и помогали друг другу. К тому же тогда можно было уехать, и многие уезжали из села в поисках заработка в крупные промышленные центры страны: Харьков, Челябинск, а также на шахты Донбасса.

Следует отметить, что голод 1946–1947 гг. охватил территорию Одесской, Измаильской, Кировоградской, Днепропетровской, Полтавской областей. В 1946 году погибло 282 тыс. человек, в 1947 – более 520 тысяч. Причины голода

объяснялись послевоенной разрухой, засухой, а также высоким планом хлебозаготовок, большим объемом экспорта хлеба и продуктов животноводства за границу. Это было страшное время. Был дефицит продовольствия и одежды. Люди выкапывали из-под снега мерзлый картофель, свеклу, которые остались на колхозных полях после сбора урожая, ели сырые початки кукурузы, кору деревьев, сусликов, мелких грызунов, собак, коней и тому подобное. Есть воспоминания старожил, что бывали случаи людоедства. В результате недоедания среди сельского населения распространилась дистрофия, были случаи тифа. Смертельные муки голода испытали крестьяне южных областей УССР – Одесской, Херсонской, Николаевской, Запорожской, Днепропетровской. Своими страшными тисками сжимал голод население Поднепровья – Полтавской, Киевской, Черниговской, Кировоградской областей. Голодали жители сел и городов Винницкой, Каменец-Подольской, Сталинской (Донецкой), Ворошиловоградской (Луганской), Харьковской, Сумской, Житомирской областей.

Больше всего пострадали от голода жители Измаильской и Черновицкой областей. По состоянию на 2 июля 1947 года в Украине насчитывалось свыше 1 млн. 154 тыс. истощенных голодом людей. В водовороте голодомора погибали, в основном, крестьяне-хлеборобы. От искусственного рукотворного голода по неполным данным в Украине погибло свыше 1 млн. людей. Количество жителей в болгарских селах Южной Бессарабии уменьшилось почти на 50%. «Голодомор был создан искусственно. Урожай был, конечно, скудный, но если бы районные уполномоченные и местные активисты не отняли бы насильно даже те скудные запасы, которые были у крестьян, голод бы был, но мора не было бы. И еще: в то время, когда люди умирали с голоду, зерновые склады в Сарате были забиты зерном, но оттуда никому ни грамма не давали, так как оно относилось к НЗ (неприкосновенному запасу). НЗ предназначался для чрезвычайных ситуаций. Но разве такое явление, как голод, не относится к чрезвычайным ситуациям» [3, с. 223]. Этого нельзя забыть. Помня об этом страшном времени, старики до недавних пор оставляли на черный день запасы спичек, соли, сахара в специальных деревянных сундучках. У многих в старых домах сохранились скрытые колодцы для запасов зерна.

В эти годы национальная государственная политика претерпела крутой поворот: проводилась жесточайшая дискриминация тех советских народов, которые принадлежали к этносам, имевшим «свои» государства. Были ликвидированы национальные районы, закрыты культурные учреждения, все виды прессы, запрещено школьное обучение на родном языке (во всех школах обучение стали вести на русском языке). Массовым репрессиям подверглась интеллигенция, так как любая деятельность в области развития национальной культуры преследовалась как проявление «национализма». Национальные традиции объявлялись враждебными идеям социализма, буржуазными либо религиозными предрассудками. Многие болгары стали даже скрывать знание своего родного языка, некоторые старались изменить в документах отметку о национальности, учителя уничтожали учебники и книги.

Если посмотреть на вышеизложенное, проанализировать цифры, то становится жутко и как-то напрашивается мысль о голодоморе, об обесценивании самого святого – человеческих жизней. Важно уметь делать правильные выводы из уроков истории. Самое страшное то, что не прошло и

одного века, есть очевидцы этих страшных событий, но уже есть различные позиции по отношению к их определению – «голод» или «голодомор»? Безусловно, что дело даже не в названии, в определении формы этих ужасных событий, а в том, чтобы сделать все возможное и невозможное, чтобы этот «ад» больше не повторился. А подрастающему поколению еще надлежит оценить все это со своих объективно правильных позиций.

Литература:

1. Киссе А. И. Возрождение болгар Украины / А. И. Киссе. – Одесса : Optimum. – 2006, 288 с.
2. Огородное – Чийшия. Наш отчий дом: Материалы по истории села. – Измаил : СМІЛ, 2006. – 352 с.
3. Златова В. Н. Камчик. Страницы истории / В. Н. Златова, И. В. Златов, Ф. С. Георгиев. – Измаил : СМІЛ, 2003. – 539 с.

Ivan Pastyr. The problem of the peasants of the southern regions of Ukraine – survive (1946-1947 years).

Abstract: after the war, the Soviet village in the southern regions of Ukraine was in crisis. The main problem of the peasants was the struggle for survival. This horror is impossible to forget.

Key words: *cult of personality, the crisis of the peasantry in the southern regions of Ukraine, the famine, the Holodomor, the lessons of history.*

FOAMETEA DIN RSS MOLDOVENEASCĂ (1946-1947) ÎN CERCETĂRILE DE ISTORIE ORALĂ

Lidia Pădureac

*doctor în istorie, conferențiar universitar
Universitatea de Stat «Alecu Russo» din Bălți
(Bălți, Republica Moldova)*

Crearea RSS Moldovenești a fost însoțită de represiuni aplicate constant de oficialitățile comuniste față de populația băștinașă. Parte componentă a acestor experimente a fost și foametea din 1946-1947, care a provocat suferințe tuturor locuitorilor și a răpit viața a circa 200000 de oameni. Cu intensitate diferită aceasta și-a lăsat amprenta asupra societății contemporane. Deși în proiectarea trecutului din prezent un rol aparte revine cercetărilor de istorie orală, memoria foametei este puțin prezentă în istoriografie. Importante culegeri de documente editate de Anatol Țăranu, [27], Valeriu Pasat [32], lucrări elaborate de Ion Șișcanu [16], Ion Țurcanu [20], V. Pasat [31], unele culegeri de memorii editate de Larisa Turea [18], Alexei Vakulovski [23], Tudor Ștefan [17] care reflectă cauzele și consecințele foametei au fost publicate în anii 80-90 ai secolului XX. Cercetările științifice realizate până în prezent practic nu includ și documentele de istorie orală.

În Republica Moldova debutul anevoios al procesului de rememorare a foametei este cauzat și de faptul că nici mediul social nici cel academic nu au depus suficient efort pentru a scoate din anonimat și a plasa în mediul public încărcătura emoțională păstrată de memoria foametei. Pe de o parte societatea nu pune la îndoială suferințele